

А.И. АГЕЕВ, Б.В. КУРОЕДОВ

Китай XXI ВЕКА

Пожалуй, ни одно из современных государств не привлекает к себе столь пристального внимания, как Китай. Страна, которая долгое время считалась отсталой, совершила на рубеже XX–XXI веков резкий рывок, оставив далеко позади многих недавних фаворитов мирового развития

Пожалуй, ни одно из современных государств не привлекает к себе столь пристального внимания, как Китай. Страна, которая долгое время считалась отсталой, совершила на рубеже XX–XXI веков резкий рывок, оставив далеко позади многих недавних фаворитов мирового развития. В рамках данной работы делается попытка ответить на вопрос, каким будет Китай, каким станет его статус в мире в следующие 20 лет.

Частично ответ содержится в материалах VII Глобального стратегического форума, проводившегося в 2007 году Международной лигой стратегического управления, оценки и учета (МЛСУ), Международной академией исследований будущего (МАИБ) и Институтом экономических стратегий (ИНЭС) (1).

В глобальном рейтинге интегральной мощи 50 ведущих стран мира (ИПМ-50) Китай занял почетное третье место, пропустив вперед лишь США

Александр Иванович Агеев — генеральный директор ИНЭС, президент Международной Академии исследований будущего (МАИБ), доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН

Борис Витальевич Куроедов — директор Центра прогнозного имитационного моделирования ИНЭС, кандидат военных наук, член-корреспондент РАЕН

и Евросоюз. В прогнозе на 2025 год у Китая то же третье место. Составление рейтингов базировалось на методологии стратегической матрицы (2, 3), являющейся развитием идеологии многофакторного анализа. Все факторы государственной мощи классифицированы по группам. Каждая группа условно представлена в виде одного фактора, который в модели стратегической матрицы отражает совокупное влияние на развитие системы всех факторов, относимых к этой группе. Всего в модели «Стратегическая матрица» выделены девять таких факторов. Для удобства восприятия значений факторов принята 10-балльная шкала по каждому фактору с разбивкой по возрастанию на статусы «малое государство», «региональная держава», «великая держава», «сверхдержава».

I. Фактор «**Управление**» рассматривается в модели стратегической матрицы в качестве ключевого. Он обеспечивает синергетическое взаимодействие основных факторов и отвечает за гармонизацию различных составляющих мощи страны. Текущая оценка качества управления КНР — 7 единиц, что соответствует верхнему значению статуса «великой державы».

Применительно к Китаю нами были рассмотрены пять вариантов развития системы управления страной в XXI веке.

1. **Сохранение эффективной модели управления.** Подразумевается сохранение на достаточно долгую перспективу существующей системы управления КНР. В пользу этого варианта выступает его традиционность для китайского общества и демонстрируемая по настоящее время высокая эффективность.

По этому варианту Китай сохранит на рубеже 2025 года уровень системы управления, соответствующий статусу «великой державы» (7 единиц).

2. Построение системы управления глобальным лидерством. Этот вариант может стать реализацией некоего «мирового коммунистического ренессанса».

Условия развития событий по этому варианту:

- ◆ кризис и дезорганизация евроатлантического сообщества, в силу чего оно будет не в состоянии оказать сплоченное противодействие усилению Китая;
- ◆ поступательное развитие самого Китая, обеспечивающее ему высокий моральный авторитет в мире;
- ◆ решение китайского руководства о необходимости включения в борьбу за глобальное лидерство и своевременная реализация этой стратегии.

В глобальном рейтинге интегральной мощи 50 ведущих стран мира Китай занял почетное 3-е место, пропустив вперед лишь США и Евросоюз

В этом случае функция управления будет осуществляться не только в отношении КНР, но и в отношении всей китаецентрической «новой коммунистической системы». Надо сказать, что возможен перехват знамени глобального лидерства и без коммунистической подоплеки.

Если Китаю удастся построить систему управления глобальным лидерством, то оценка системы управления для данного варианта экспертным обществом «Стратегическая матрица» составит 8,7 единиц, что соответствует уровню управления «сверхдержавы».

Однако вероятность реализации данного варианта на временном отрезке до 2025 года представляется очень низкой, хотя и не равной нулю.

3. Вариант «медленная деградация» базируется на предположении, что будут усиливаться негативные факторы в развитии политической системы

Китая, связанные с замедлением темпов экономического роста, распространением семейственности и «наследственной передачей власти» в структурах компартии Китая, давлением новой китайской буржуазии и т.д. Застойные явления будут нарастать, а качество управления — ухудшаться. По состоянию на 2025 год оценка фактора «Управление» по данному варианту составит 4,0 единицы, что означает снижение до уровня «региональной державы».

4. Вариант «неэффективного управления» базируется на предположении о том, что факторы негативного воздействия на устойчивость государственного управления будут оказывать более сильное деструктивное воздействие и приведут к возникновению революционной ситуации. В результате в КНР произойдет смена политического режима. При этом в качестве форм неэффективного управления могут выступать как неэффективная демократия, так и авторитаризм. Этот вариант развития системы управления КНР оценивается в 3 единицы к 2025 году, что означает скатывание к среднему уровню «региональной державы».

5. Демократизация рассматривает возможность мягкого перехода к какому-то варианту многопартийной демократии, например как результат осознанного выбора руководящего звена КПК. Такой выбор сможет диктоваться необходимостью внесения изменений в систему управления страной для повышения его эффективности.

«Мягкий переход» наиболее вероятен в условиях благоприятной экономической конъюнктуры и тесного взаимодействия китайских партийных, военных и бизнес-структур. По мере становления и развития положительных свойств данной системы ее потенциал будет нарастать и к 2025 году достигнет 5,7 единицы.

II. Фактор «Территория» характеризуется как собственно площадью государства, так и прямым и косвенным контролем над территорией других государств. По площади собственной территории (9596,6 тыс. кв. км) КНР занимает четвертое место в мире, что соответствует уровню в 6,4 единицы (средний уровень «великой державы»).

Вполне очевидно, что поддержание в Китае социально-политической стабильности является ключевым условием не только возможных территориальных приобретений, но и фактором, обеспечивающим сохранение Китаем контроля над его нынешней территорией.

Территориальные метаморфозы Китая в текущем столетии можно свести к пяти вариантам.

1. Максимальное расширение. Этот вариант, между прочим, подразумевает установление частичного контроля (прежде всего де-факто) над Примор-

рьем и Забайкальем. При этом термин «частичный контроль» используется для обозначения возможного разделения этих областей с другими странами. В варианте максимального территориального расширения подразумевается также поглощение Китаем Монголии, восстановление контроля над Тайванем и достижение соглашений о разделе спорных Парасельских островов, архипелагов Спратли и Сенкаку. При этом делается предположение, что Китай прагматично откажется от формальных территориальных приобретений на Востоке (Центральная Азия) и на юге (Вьетнам, Лаос, Бирма, Таиланд), сосредоточившись на вовлечении их в сферу своего экономического доминирования. В целом развитие событий по данному варианту позволит увеличить территориальный статус КНР до 9 единиц (с учетом сфер его влияния), т.е. до уровня «сверхдержавы».

Фактически этот вариант означает признание Китая равноправным по силе и влиянию США и ЕС глобальным центром силы, доминирующим в большей части АТР при катастрофическом ослаблении России.

2. Расширение на севере и сохранение статуса-кво на востоке (в Тихоокеанской зоне). Этот вариант, частично повторяющий первый, строится на предположении, что США при поддержке союзников не допускают изменения существующего

Китай уже превратился из экспортера в крупного импортера нефти. К 2025 году потребности в энергоносителях будут покрываться им из собственных источников не более чем на четверть

положения Тайваня и сдерживают Китай от агрессивных шагов в отношении других спорных островных территорий. В то же время, осуществляя геополитическую экспансию в отношении российских территорий за Уралом, США вынуждены учитывать амбиции Китая в данном вопросе. Для этого варианта территориальный статус Китая составит 8 единиц — нижний уровень «сверхдержавы».

3. Статус-кво на севере, территориальные приобретения на востоке. Данный вариант предполагает сохранение или усиление роли России в качестве крупного геополитического образования (самостоятельно или в составе Евразийского союза), оказывающего значительное влияние на формирование международной обстановки в северной части АТР.

В то же время Китаю удастся преодолеть сопротивление США и добиться присоединения Тайваня (например, за счет прихода к власти на Тайване сил, выступающих за объединение с Китаем).

Потенциальные приобретения на востоке для Китая не столь существенны в абсолютных значениях, однако продвижение в этом направлении усилит его влияние в ЮВА и АТР. Статус для данного варианта — 7 единиц.

4. Статус-кво по всем направлениям. Подразумевает отсутствие существенных территориальных приобретений и потерь. Статус — 6,4 единицы.

5. Территориальный раздел Китая. Может быть спровоцирован в результате какой-либо геополитической катастрофы, например связанной с гипотетическими военными действиями (против США на Тихом океане или против России в Приморье, ядерный конфликт с Индией). В данном случае (впрочем, маловероятном) возможным исходом может стать раздел Китая на несколько независимых друг от друга государств или территорий под протекторатным управлением.

Для пятого варианта (*дезинтеграция Китая*) тенденция изменения территориального статуса до 2025 года исходит из ожидания, что какое-то территориальное образование, выделившееся из Китая, формально будет выступать в качестве его правопреемника. Оценка статуса — 3 единицы.

III. Оценка фактора «**Природные ресурсы**» для КНР исходит из того, что по количеству видов и размерам запасов некоторых полезных ископаемых Китай относится к числу обеспеченных стран мира.

Однако Китай уже превратился из экспортера в крупного импортера нефти. К 2025 году потребности в энергоносителях будут покрываться им из собственных источников не более чем на четверть. Но необходимо принять в расчет и мощную программу развития альтернативной энергетики.

Хотя Китай входит в число мировых лидеров по объему гидроресурсов, в течение XXI века в стране будет последовательно обостряться проблема водоснабжения населения.

Особое значение приобретут проблемы экологии. Нагрузка на почву, на окружающую среду уже сейчас превысила допустимые нормы. В этих условиях каждый новый шаг вперед будет требовать от китайцев гораздо больших усилий, чем до сих пор.

Общая оценка по фактору «Природные ресурсы» для КНР составляет 4,5 единицы.

Можно выдвинуть несколько вариантов развития ситуации в этой сфере для КНР.

1. «**Зеленое развитие**» предполагает, что Китаю до 2025 года в основном удастся справиться с проблемами ресурсной зависимости (прежде всего, по нефти) от внешних источников путем их диверсификации и в случае относительно благоприятной внешнеполитической обстановки. После этого срока развитие новых технологий обеспечивает

существенное повышение доли нетрадиционных источников энергии в экономике Китая. Все это наряду с другими мероприятиями по защите окружающей среды способствует улучшению экологического баланса в стране.

Ведется активная геологоразведка территории КНР, что будет обеспечивать большую часть возрастающих потребностей китайской экономики в природных ископаемых. Статус КНР к 2025 году по этому фактору — 6 единиц.

2. **«Субкомфортный»** вариант строится на предположении о том, что успешное развитие экономики КНР обеспечивает возможность импорта полезных ископаемых и энергетического сырья в необходимых объемах, в то же время сохраняется высокий уровень антропогенной нагрузки на территорию восточных областей Китая.

Статус КНР к 2025 году в соответствии с данным вариантом составит 3,7 единицы.

3. Вариант **«Нехватка ресурсов»** базируется на предположении о том, что внедрение энерго-сберегающих технологий и нетрадиционных видов энергии происходит в КНР медленно. Существенно снижаются поставки в КНР углеводородного

топлива, если США, например, под предлогом борьбы с распространением ядерного оружия и ракетных технологий перейдут к контролю воздушного пространства Ирана и будут наносить удары по «подозрительным» объектам промышленной и нефтяной инфраструктуры страны.

Кризис в сфере природных ресурсов может стать катализатором свертывания «китайского экономического чуда».

Обеспеченность Китая природными ресурсами в единицах шкалы составит к 2025 году 3,6 единицы.

4. **«Коллапс»** предполагает еще более жесткое развитие событий, сходное с третьим вариантом, но более значительное по своим негативным последствиям. Например, это может произойти в результате проведения военной акции против Тайваня и введения Соединенными Штатами военно-морской блокады КНР.

Для этого варианта обеспеченность природными ресурсами оценивается в 2,5 единицы для 2025 года.

IV. Оценка фактора **«Население»** для КНР базируется на том, что страна занимает первое место по численности населения в мире — 1321,9 млн чел.

(в 2007 году), что соответствует 10 единицам из 10 возможных (верхний уровень «сверхдержавы»).

Вместе с тем в структуре населения Китая нарастают негативные факторы, связанные с:

- 1) превышением доли мужского населения;
- 2) существенным возрастанием доли лиц старше 64 лет;
- 3) общим ухудшением структуры рабочей силы.

В целом варианты изменения численности населения КНР (рис. 1) не очень значительно разнятся между собой. Главное отличие — год перехода к отрицательному росту населения. Разница в численности населения по разным вариантам к 2025 году составит порядка 50 млн чел.

В качестве гипотетического приведен вариант 4 — катастрофическое уменьшение численности населения Китая на 900 млн чел. в промежутке между 2015 и 2020 годом с последующей тенденцией убыли населения. В этом контексте речь идет об уменьшении численности населения в результате природных катаклизмов, войн и т.п.

При очень малой вероятности подобного развития событий в XXI веке полностью исключать данный вариант нельзя.

Эпидемия атипичной пневмонии, которая сильнее всего затронула именно Китай, появление новых и активизация казальсь бы уже полностью побежденных болезней напоминают о том, что мы живем в достаточно хрупком мире.

Кроме того, у Китая имеется целый ряд нерешенных территориальных проблем (наиболее острая из них — Тайваньская), которые могут явиться пусковым механизмом крупномасштабной войны в Северо-Восточной Азии с участием КНР, в том числе и с применением ядерного оружия.

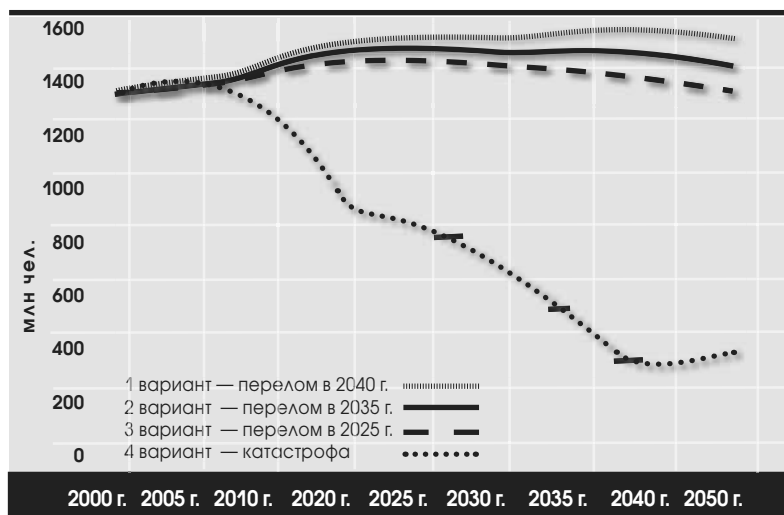
Нынешняя структура населения КНР в случае практически одномоментной (в историческом контексте) потери значительной части населения не только не позволит быстро воспроизвести понесенные потери, но и может ускорить срок перехода к отрицательной динамике населения, темпы убыли которого будут существенно выше, чем при обычном развитии событий.

В отличие от других стран мира, по численности населения КНР безусловно будет позиционироваться как сверхдержава XXI века (10 единиц). Даже при гипотетической катастрофе численность населения КНР не опустится ниже 8 единиц по критерию государственной мощи.

V. Развитие фактора «Экономика» для Китая определяется тем, начиная с середины прошлого века, несмотря на свои значительные размеры, Китай относится к числу динамично развивающихся стран мира.

Рисунок 1

ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ

В настоящее время ВВП Китая по паритету покупательной способности составляет \$10 210 млрд. По этому показателю КНР занимает третье место в мире после США и ЕС (чуть более \$13 000 млрд у каждого). Вместе с тем показатель ВВП на душу населения в КНР характерен для развивающихся стран. В целом уровень экономики Китая в настоящее время оценивается в 8,8 единиц (средний уровень «сверхдержавы»).

Наряду с этим необходимо отметить возрастание диспропорций в экономике и сохранение относительно низкой эффективности государственного сектора, что, несомненно, окажет негативное влияние на темпы развития в дальнейшем.

С позиций сегодняшнего дня можно говорить о пяти гипотетических вариантах экономического развития Китая.

1. **Резкое возвышение.** В соответствии с этим вариантом Китай способен, сочетая индустриализацию с информатизацией и развитием опорных отраслей с научно-техническими прорывами, обойти Соединенные Штаты по абсолютному значению ВВП в районе 2025–2030 годов и достигнуть значения 9,5 единиц по фактору «Экономика».

2. **Устойчивое поступательное развитие экономики КНР.** Данный вариант базируется на долгосрочном прогнозе постепенного затухания темпов прироста ВВП Китая. К 2025 году значение по фактору «Экономика» — 9 единиц.

3. **Замедление темпов роста** (после 2010 года — до 5–6% в год, после 2020 года — еще ниже). Сценарий вытекает из сегодняшних тенденций развития и обещает большую предсказуемость, «покладистость» Китая на международной арене. Достаточно высокая вероятность реализации данного варианта обуславливается существующими диспропорциями в экономическом развитии Китая, сложной обстановкой в демографической сфере. Оценка уровня развития экономики к 2025 году — 8,6 единиц.

4. **Застой.** Предполагает замедление темпов роста до уровня, обеспечивающего только удовлетворение потребностей возрастающего населения и стагнацию общего уровня жизни. Этот сценарий вряд ли реализуется в ближайшие годы, т.к. Китай имеет огромный инвестиционный задел. Он возможен, однако, в случае ухудшения ситуации в мировой экономике, а также целенаправленной политики Евроатлантического сообщества по сдерживанию дальнейшего экономического роста КНР. К 2025 году значение фактора — 8 единиц.

5. **Срыв в экономическом развитии,** под которым подразумевается скатывание страны к суженному воспроизводству. Этот вариант возможен,

в частности, при осуществлении попыток силовых авантюр.

Уровень фактора к 2025 году для данного варианта — 6,5 единиц.

VI. Фактор «**Культура и религия**». КНР развивается под влиянием конфуцианства, сохраняющего свое определяющее положение в общественном сознании, а также традиционных буддизма, даосизма и культа предков. Различные ветви христианства распространены только в особых административных районах.

В нынешнее время в сознании китайских трудящихся влияние идей «социализма с китайской спецификой» может уступить место не столько традиционным этико-моральным ценностям и нормам, сколько индивидуализму и потребительству

В довольно близкой перспективе возможен подъем в сфере образования, а за ним — культурный расцвет. Наряду с этим нельзя не отметить, что в нынешнее время в сознании китайских трудящихся влияние идей «социализма с китайской спецификой» может уступить место не столько традиционным этико-моральным ценностям и нормам, сколько индивидуализму и потребительству.

В целом представляется возможным обозначить четыре потенциальных варианта развития китайской культуры до середины XXI века.

1. **Международное влияние Китая в культурной сфере.** Этот вариант не подразумевает зна-

чительного религиозного развития, поскольку усиление позиций религиозных учений сдерживается, с одной стороны, сохраняющимся воздействием тех или иных течений, близких к марксизму, с другой, сохраняющимся влиянием на общественное сознание традиционной философии конфуцианства. Она хотя и не отрицает существования сверхъестественного мира, однако фактически близка к язычеству и не сочетается с единобожием, лежащим в основе всех мировых религий.

Это вариант проникновения китайской культуры во внешний мир на фоне заметного усиления совокупной национальной мощи страны.

Вместе с тем в силу относительной слабости религиозной составляющей максимальная оценка по этому фактору к концу прогнозного периода — 8,2 единицы.

2. Региональное лидерство. Фактически этот вариант предполагает умеренный прогресс на фоне продолжения экономического роста КНР. Внутри Китая сформируется развитая массовая культура, способная удовлетворить запросы китайского потребителя. Оценка фактора «Культура и религия» — 7,5 единицы.

3. «Статус-кво». В этом варианте подразумевается, что влияние китайской культуры не будет выходить за традиционные этнические границы в Восточной Азии. Ареал ее преобладающего распространения будет ограничен континентальной частью северо-восточной Азии (в него, видимо, не войдет Япония, а также Южная Корея); на западе — границами с Индией и Пакистаном (самобытная индийская культура и мусульманские культурные традиции в Пакистане); в Юго-Восточной Азии границы будут размыты, особенно в государствах, где значительная часть населения исповедует ислам. Для данного варианта оценка фактора «Культура и религия» — 7 единиц.

4. Резкий упадок на фоне экономических и политических неурядиц. В рамках «экстремального» варианта представляется допустимой комбинация двух путей кризисного развития.

Это может быть следствием военного конфликта в Тайваньском проливе, который приведет к напряженности в отношениях между Западом и КНР. Возможны и другие сценарии нарастания проблем в политической и социально-экономической жизни страны, которые столкнутся с господствовавшими в конце XX — начале XXI веков ожиданиями наступления «века Китая».

Для этого варианта наблюдается умеренный спад фактора до 4,7 единицы.

VII. Развитие фактора «Наука и образование» определяется интеллектуальными традициями Китая, множеством научных и инженерных школ в сочетании с большой численностью населения и государственными системами образования и воспитания талантливых личностей, что в значительной мере дает Китаю гарантию серьезных успехов в науке, создает основу его долгосрочного экономического подъема и развития военного потенциала.

Ниже представлены варианты развития научно-технической сферы Китая и китайской системы образования.

1. Построение экономики знаний. Выход Китая на передовые научные рубежи по большинству научных направлений к 2025 году. Тенденция стремительного роста научно-технического и образовательного потенциала до 7,5 единиц.

2. Постепенное сближение научно-технического потенциала Китая и постиндустриальных стран Запада. Этот вариант строится на предположении, что наука и образование в Китае будут развиваться в догоняющем темпе по отношению к ведущим постиндустриальным государствам. Система образования Китая приблизится к высшим мировым стандартам. Статус развития науки и образования Китая для данного варианта — 6,7 единицы.

3. **Сохранение дистанции.** Наука и образование в КНР будут развиваться динамично, однако преодолеть дистанцию отставания от уровня развития постиндустриальных экономик США и ЕС не удастся. Система образования КНР улучшается, однако диспропорции в ее развитии сохраняются. В целом в рамках данного варианта по фактору «Наука и образование» ожидается приближение Китая в 2025 году к верхнему уровню великой державы — 6,5 единицы.

4. **Наращивание негативных тенденций.** Вслед за стремительным приближением к уровню развитых стран наступает кризис в сфере науки и образования, вызванный экономическими трудностями и недостаточным финансированием. Ожидаемый уровень развития для данного варианта — 4,5 единицы — нижний уровень «великой державы».

К 2025 г. вооруженные силы Китая в качественном отношении могут стать сильнейшими в Азии, однако достижение Китаем статуса мировой военной державы, сопоставимой по своему потенциалу с США, является проблематичным

VIII. Развитие вооруженных сил КНР — фактор «Армия» — определяется тем, что в своем подъеме Китай делает главную ставку на экономическую мощь как основу совокупной национальной мощи. Военная модернизация не занимает первого места в генеральном плане превращения Китая в современное государство. Вместе с тем очевидно, что возрастание экономической мощи страны означает увеличение ресурсов, которые могут быть направлены на военные нужды.

К 2025 году вооруженные силы Китая в качественном отношении могут стать сильнейшими в Азии, однако достижение Китаем статуса мировой военной державы, сопоставимой по своему потенциалу с США, является проблематичным.

На основе этих постулатов рассматриваются следующие варианты развития НОАК (Народно-освободительной армии Китая).

1. **Догоняющая модернизация в условиях мирного времени.** Этот вариант предполагает, что степень внимания руководства КНР к военным вопросам сохранится на достаточно высоком уровне. Вместе с тем военно-техническое развитие Китая хотя и позволит сократить отставание от передовых в военном отношении государств, но не обеспечит глобального превосходства КНР над ведущими военными державами в лице США и ЕС. Возможно, военная мощь Китая обеспечит ему превосходство над совокупными военными возможностями России (равенство

ядерного потенциала и превосходство сил общего назначения Китая над группировкой сил общего назначения России, включая войска, дислоцирующиеся западнее Урала). Для данного варианта рассматривается достижение ВС КНР к 2025 году уровня в 6,2 единицы (средний уровень «великой державы»).

2. **Ускоренная модернизация в условиях роста военно-политических противоречий с США.** Реализация этого варианта наиболее вероятна в условиях уверенного экономического роста. Этот вариант выглядит не вполне логичным в силу высокой зависимости экономического развития страны от торгово-экономических связей с Западом и прежде всего с США. При обострении отношений с Евроатлантическим сообществом высока вероятность торможения развития китайской экономики.

Вместе с тем реализация данного варианта возможна по крайней мере на ограниченном временном отрезке, в условиях мобилизационной модели экономического развития. Для данного варианта прогнозируется достижение ВС КНР к 2025 году уровня 7,3 единицы.

3. **Введение ограничений на развитие военного потенциала Китая.** Базируется на предположении о том, что активное вовлечение НОАК в противодействие попыткам Тайваня приобрести статус независимого государства приводит к военному столкновению Китая и США, предоставляющих гарантии безопасности Тайваню.

Китай, недостаточно подготовленный к проведению десантных операций и уступающий в военноморской составляющей Объединенной группировке ВМС США и Тайваня, не решается на использование ядерного оружия.

Ценой заключения мира становится признание Тайваня в качестве независимого государства и согласие на ограничение военного потенциала Китая (прежде всего, по ракетно-ядерным вооружениям и военно-морским силам).

Пусковым механизмом данного варианта могут выступать и другие конфликтные очаги во взаимоотношениях Китая и его соседей, например проблема островов Спратли.

Для данного варианта статус НОАК к 2025 году оценивается в 4,5 единицы.

4. **Участие ВС Китая в крупномасштабной войне с применением ядерного оружия.** Сценариев подобного развития событий относительно немного, поскольку они предполагают войну против сопоставимого по силе или даже превосходящего противника. В этом регионе таким противником гипотетически могут выступить США, Индия или Россия. Статус НОАК для данного варианта на рубеже 2025 года — 3 единицы.

IX. Состояние и перспективы развития фактора «Внешняя политика» Китая характеризуются тем, что внешнеполитический курс Китая имеет противоречивый характер. В ближайшей перспективе Пекин заинтересован в сохранении мирного окружения и стабильности в АТР. Вместе с тем в устремлениях китайского руководства могут усиливаться экспансионистские тенденции, в основе которых лежат традиционные идеи «китаецентризма», а также концепция «стратегических границ и жизненного пространства».

В устремлениях китайского руководства могут усиливаться экспансионистские тенденции, в основе которых лежат традиционные идеи «китаецентризма», а также концепция «стратегических границ и жизненного пространства»

Вот несколько вариантов трансформации китайской внешней политики.

1. **Традиционный подход.** Китай позиционирует себя как крупная страна, стремящаяся избежать

острой конфронтации с другими крупными странами. Исключение — позиции, имеющие принципиальное значение, например территориальная целостность КНР. Большое значение в этом контексте придается деятельности в качестве постоянно-

го члена СБ ООН. Во взаимоотношениях с Россией ключевым аспектом будет обеспечение доступа (без использования военной силы) к ее природным ресурсам, необходимым для успешного развития экономики Китая. Оценка статуса КНР по фактору «Внешняя политика» — 6,4 единицы.

2. **Умеренно активный агрессивный вариант.** Характеризуется стремлением усилить влияние КНР на глобальные процессы по мере роста экономической мощи страны, подразумевает усиление борьбы с развитыми странами Запада и Японией за ресурсы, способствующие экономическому развитию. Не имея возможности обеспечить национальными средствами контроль над морскими коммуникациями в Индийском океане, Китай будет реализовывать стратегию гарантированного доступа к сырьевым ресурсам Сибири и Центральной Азии. Статус КНР для данного варианта — 8,4 единицы.

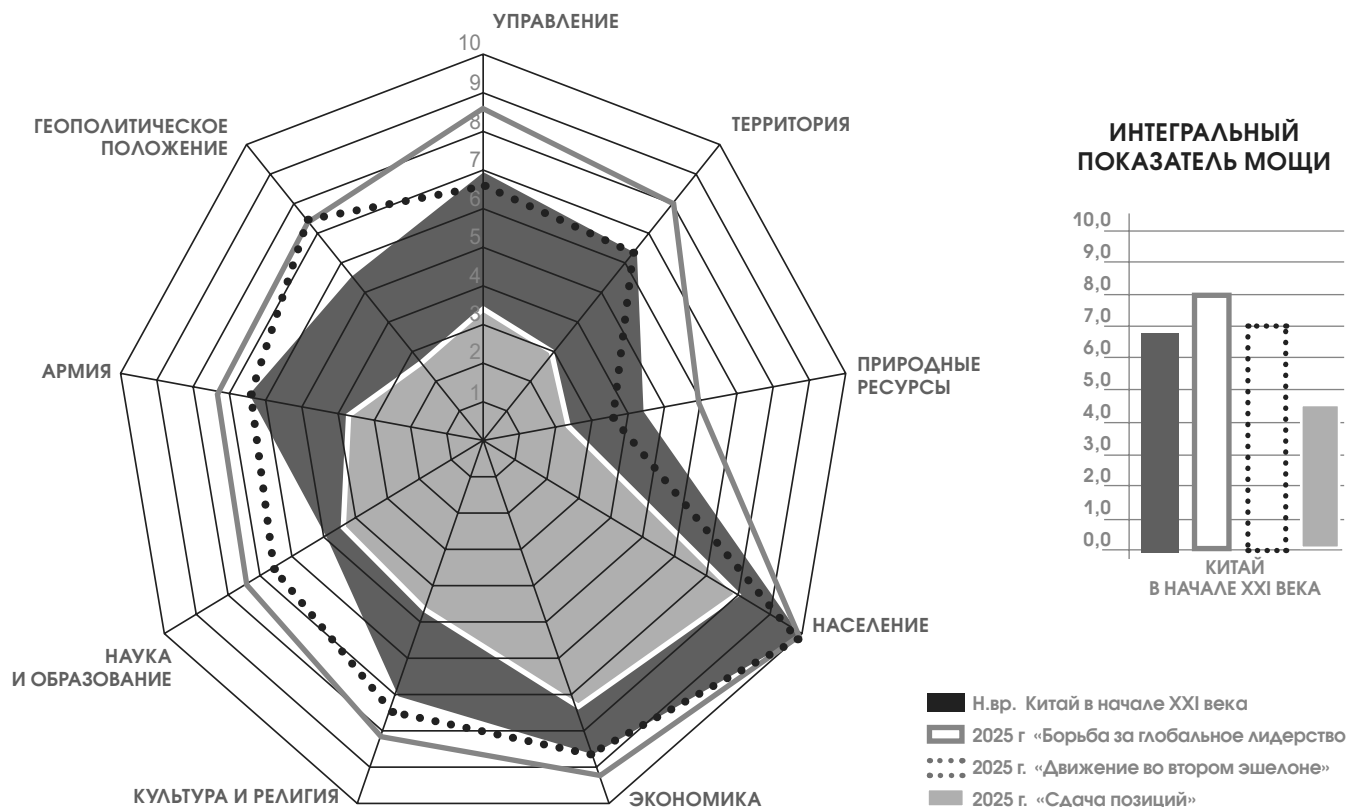
3. **Конфронтация с Западом.** Этот вариант может быть спровоцирован Евроатлантическим сообществом с целью не допустить превращения (при определенных обстоятельствах) КНР в мировую сверхдержаву XXI века. Поводом для реализации этого варианта может стать, например, признание независимости Тайваня со стороны США и ряда западноевропейских государств. В этих условиях Китай скорее всего будет заинтересован в усилении партнерства с Россией для обеспечения тесного военно-технического взаимодействия, а также гарантированного доступа к российским ресурсам на основе взаимовыгодного сотрудничества. Оценка статуса страны по рассматриваемому фактору — 7,4 единицы.

4. **Возрастание непредсказуемости китайской внешней политики.** Реализация этого варианта скорее всего вероятна в условиях усиления внутренней нестабильности в Китае. Пусковыми механизмами его реализации могут стать стремительное старение населения страны, нарастание кризиса традиционной китайской семьи, утрата высокой динамики экономического развития, потеря единства в видении стратегических ориентиров развития страны, обострение борьбы за власть внутри китайского руководства и т.д. Для консолидации китайского общества и борьбы с внутренней нестабильностью китайские лидеры могут использовать технологии формирования образа врага. Оценка внешнеполитической деятельности для данного варианта — 4,6 единицы.

5. **Дезинтеграция Китая и/или утрата суверенного пути развития.** Фактически это эскалация негативных последствий четвертого варианта или же провал реализации третьего варианта. Для

Рисунок 2

**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА КИТАЯ В ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ**

этого маловероятного варианта (ввиду фактической утраты суверенитета) внешняя политика имеет низкую оценку — 1 единица.

Таким образом, основные варианты трансформации факторов стратегической матрицы для Китая можно представить в форме трех главных геополитических тенденций, которые условно можно обозначить как «Борьба за глобальное лидерство», «Движение во втором эшелоне», «Сдача позиций» (рис. 2).

Итак, моделирование сценариев будущего развития Китая показывает весьма разнообразную палитру возможностей и рисков. Реальное развитие событий будет в любом случае представлять собой комбинацию обозначенных вариантов развития каждого фактора и их интегрального взаимодействия, создающего пространство реального стратегического выбора и решений. ■

В ближайшей перспективе Пекин заинтересован в сохранении мирного окружения и стабильности в АТР. Вместе с тем в устремлениях китайского руководства могут усиливаться экспансионистские тенденции

Примечания

1. Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира: Доклад к обсуждению. М.: МЛСУ, МАИБ, ИНЭС, 2007.
2. Агеев А.И., Куроедов Б.В., Мэтьюз Р., Сандаров О.В. Методология стратегической матрицы. М.: ИНЭС, 2004.
3. Агеев А.И., Куроедов Б.В. Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании перспектив развития государств (на примере России и Китая). М.: ИНЭС, 2005.